

Annotation

История происхождения людей-овощей. По мотивам сказки Джанни Родари.

- ○ [Глава 1](#)
-

Боги стали овощами

Глава 1

Отрывисто гавкнула винтовка, и перед жандармами взметнулся фонтанчик земли:

— Дальше ни шагу!

— Не дури, Тыква! — выкрикнул офицер. — На твой дом выпал жребий.

— Засунь его в свою лимонную задницу!

Повисла напряжённая тишина — тонкая как лесная паутина. Дом Тыквы стоял крайне неудобно — в буйных зарослях борщевика. Справиться с хищными джунглями мог только огонь, но выжигать большое поле было опасно: одна неудачно отлетевшая искра и хана всему поселку, платившему дань принцу Лимону. Сам принц называл это налогом на роскошь и, без сомнения, был прав: жизнь — это роскошь. Время от времени жителям Лимонии приходилось мириться с показательным изъятием самоостроя, но на этот раз коса нашла на камень: хозяин решил защищаться. Лезть под пули и проливать богатую витамином С кровь жандармам не хотелось, и на какое-то время они оставили Тыкву в покое. Но и не уходили, ожидая, пока шоффер пригонит из оружейки локомотив с дистанционным динамо. Наконец, над соседним переулком поднялся дымок и послышалось характерное гудение — заработал паровой генератор. Офицер тут же поднялся на ноги:

— Строимся “черепашей”.

Жандармы захлопали ладонями по браслетам, включая силовые щиты: первая шеренга держала их перед собой, следующие прикрывали головы, а идущие по бокам, — фланги. Спрятанный за хибарами сквоттеров локомотив удаленно напитал защиту энергией.

— Пошли!

“Черепашка” дрогнула и подалась вперед — медленно и неуклюже, слабо напоминая чеканный строй римского легиона. Но щиты лимончики держали крепко, и края этих щитов заходили друг за друга, не оставляя ни малейшей щели. Пули Тыквы били по прозрачной поверхности, заставляя атакующих вздрагивать каждый раз, когда отраженный выстрел просаживал защиту на пару процентов. То, что

следует всё бросить и бежать, Тыква понял сразу, но поднявшаяся из неведомых глубин злость напрочь отключила инстинкт самосохранения. Высунувшись, он швырнул гранату — взрыв ослепил “черепашу”, все её щиты разом просели процентов на пятнадцать. Будь у защитника дома с десятков таких гранат, он, пожалуй, имел бы шанс остановить атаку, но у него оставалась только одна.

— Взрву всех нахрен, — пробормотал Тыква. — Вместе с собой.

Время замерло, а затем покатилося в обратную сторону, отсчитывая последние минуты жизни: пятнадцать (выстрел, выстрел, выстрел), четырнадцать (выстрел, выстрел, перезарядка), тринадцать (выстрел, выстрел, выстрел)... И вдруг на соседней улице взорвался локомотив, разом поглотив все звуки боя. Щиты рухнули на семьдесят процентов, и “черепаша” не выдержала, развалилась. Лимончики брызнули прочь, толкая друг друга локтями, а самый неудачливый отлетел в заросли борщевика. Хищные кусты тотчас потянули жертву в разные стороны, норовя разорвать на части; несчастный заорал от ужаса, но никто из товарищей на его вопли не обернулся. Гигант с головой-тыквой перелез через окно и, поигрывая мачете, неторопливо зашагал к врагу. На его правом плече красовалось семь наколотых кирпичей — по числу лет, отработанных в горячем цехе на зоне. Когда бывший сиделец поднял мачете, жандарм закрыл глаза и мысленно попрощался с жизнью. Но Тыква и не думал его убивать: несколькими ударами он обрубил плети борщевиков и освободил пленника. Лимончик грузно шлепнулся на четвереньки, а гигант со всего размаха засадил ему ботинком по жирному заду:

— Вали отсюда, цитрус!

На соседней улице догорал локомотив. Ещё недавно он был настоящим красавцем: колёса под пузатым котлом сверкали красными ободами, трубки-змеи оплетали антрацитовый корпус, а из самой толстой и высокой трубы величественно валил горячий пар. Но сильнее всего завораживала мигающая звезда во “лбу” генератора — энергетический кристалл, благодаря которому энергия передавалась на щиты наемников безо всяких проводов. Так было полчаса назад, но сейчас вместо гордого красавца смрадно чадила груда искореженного металла, а вокруг неё бродили местные жители — сапожник Виноградинка и уличный рэпер Груша. В обычные дни Виноградинка ремонтировал правые ботинки (ремонтировать пару целиком запрещал

антимонопольный закон), а Груша орал в пространство матерные слова, приставляя их друг к другу в хаотичном порядке. Он был стар, потрёпан жизнью и алкоголем, и не признавал модных трендов изобретать звуки, не имеющие смысла. О, нет, Груша гордился осмысленностью своих текстов: каждое отдельное слово в беспорядочном ряду его скороговорок что-нибудь да значило.

— Допрыгался? — спросил Виноградинка подошедшего Тыкву.

Тот сплюнул через щербатый зуб:

— Такая злость накатила! Вместе с желтопузыми ублюдками готов был себя взорвать.

— ... — прокомментировал Груша. — ...!

Виноградинка бросил взгляд на обломки локомобиля:

— Ты в прошлый раз где сидел? В “лимонке”? В “мандаринке”?

Лицо Тыквы помрачнело:

— В “помидорке”. Чуть не сдох: сыро, холодно, кормят помоями и каждый день кого-нибудь бьют до смерти. А потом неделями трупы из камер не вывозят.

Груша возмущенно замахал руками и даже выдал несколько цензурных слов:

— ... в газете...! ...!! ...!! ...мертвяки... трупаки... жмурики ...!
...!! ...!!

Тыква раздраженно посмотрел на рэпера: в газете тот прочитал... Видел бы он собственными глазами эти жуткие подземелья! Когда-то под скалой протекала подземная река, пока не вытекла вся в небытие, оставив гроты и пещеры. Несколько тысячелетий эти каменные своды пустовали, и только летучие мыши нарушали тишину голодным писком да шорохом перепончатых крыльев. Но затем по старому руслу спустились вассалы синьора Помидора, волоча за собой решётки для клеток, и вскоре пещеры превратились в огромные камеры. Ко времени заключения Тыквы ничего живого в пещерах “помидорки” давным-давно не осталось: ни летучих мышей, ни насекомых, ни даже червей.

— Кто локомотив взорвал?

Виноградинка и Груша дружно повернулись к стоявшему в стороне мальчишке — на вид обычному уличному воришке. Тыква даже похлопал себя по карманам, проверяя нет ли там чего лишнего,

но если что-то когда-то и было, всё это давно украла воровка-жизнь. Мальчишка подошёл и, немного волнуясь, представился:

— Чиполлино. Мне с тобой поговорить надо...

Стрельнул глазами в сапожника с рэпером и добавил:

— Наедине.

— Ну, пошли ко мне, спаситель, — хмыкнул Тыква.

Домик в зарослях борщевика поражал полным отсутствием прямых углов. Это было самое нескладное, самое нелепое, самое уродливое строение, которое когда-либо видел Чиполлино. Стены здания напоминали пьяниц, склонившихся над бутылкой — казалось, они вот-вот сложаются друг на друга. Подросток даже сбился с шага, пытаясь понять, почему это ещё не рухнуло и насколько опасно входить внутрь? Полгода назад старик Чиполлоне, отец мальчишки, вытащил из чулана картину, изображавшую гору сваленных как попало одноэтажных домов.

— Кубизм! — хвастался старик. — Патиссо!

Целый вечер он рассказывал, на что потратит деньги, продав шедевр кисти самого Патиссо. Но покупатель, герцог Мандарин, объявил рисунок подделкой, а самого Чиполлоне — мошенником. Напрасно старик доказывал, что картину получил лично от художника, прежде чем того сожрала бахчевая тля. В прежние времена кубические рисунки не стоили ни сантимом, а сам живописец перебивался худой подкормкой, отчего кожа его покрылась налётом, похожим на белые хлопья с чёрными точками. Чиполлоне судили и бросили в тюрьму, после чего герцог повесил “подделку” в собственной гостиной. И вот теперь Чиполлино словно попал внутрь одного из зданий, нарисованных знаменитым кубистом.

Тыква протянул мальчишке чашку с лёгким удобрением:

— Суперфосфат и немного селитры.

— А известь?

— Мал ещё! Рассказывай, зачем я понадобился.

Гость опустил тощий зад на неоструганную скамью и жадно отхлебнул из чашки. История его семьи была похожа на историю любой другой семьи в округе: крошечный домик, огород величиной с носовой платок, безработные родители, которым нечем заняться, и как результат — целая куча детей. После седьмого, рождённого в один год с шестым, мать умоляла папашу Чиполлоне украсть в аптеке

презервативы, но муж был добрым католиком и кражу почитал тяжким грехом. После десятого, рождённого в один год с девятым, мать не выдержала, сложила в узелок вещи и ушла туда, куда глядели её уставшие луковые глаза. Больше дети матери не видели, а Чиполлино не видел её никогда — он был тем самым десятым. Словно в насмешку судьба наградила последыша, сломавшего родителям брак, даром ломать всё, к чему прикасались его слабые детские ручки. Впрочем, и в этой способности оказались свои светлые стороны: стоило, например, Чиполлино пошатать одну из трубок локомотива, как стравливающий давление клапан вышел из строя, и котёл парогенератора разорвало в клочья. Всё это гость пересказал Тыкве, а после то ли спросил, то ли просто констатировал:

— Ты же выиграл турнир по боям без правил, так?

Хозяин пожал плечами:

— Десять назад... Никто уже о том и не помнит.

— А вот и помнят! Прошлым летом кто-то выбросил на помойку старые киноплёнки, а мой старик подобрал. Сеструха уже раз двести тот финал на проекторе пересмотрела.

Чиполлино смолк, собираясь с духом.

— Короче, мы решили тебя нанять.

— Нанять?! Меня? Зачем?

— Хотим взломать дом Создателя.

Тыква как нёс кружку с горячим карбамидом ко рту, так и застыл с ней наперевес. Сам он про Создателя если и вспоминал, то только по пьянке — в той стадии, когда начинаешь жаловаться на судьбу самому себе. У сквоттеров Нахаловки представление о том, как появился на свет Номо vegetabilia, были смутными и размытыми. Единственное, что они помнили из проповедей в соборе: сначала Бог создал Номо sapiens по своему образу и подобию, а затем последний создал Номо vegetabilia по образу и подобию любимых овощей, фруктов и ягод. Зачем, как, почему и с какой целью — падре Цуккини не сообщал, а потому мнения коренным образом расходились. Ещё больше фантазий было на тему, куда после этого исчез сам “человек разумный”. Но дом Создателя действительно существовал, и до сего дня никому не удавалось в него проникнуть. В конце концов, принцу Лимону надоело бесконечное паломничество, и он позволил графиням Вишням построить над неприступным зданием замок.

Тыква хотел объяснить парнишке всю абсурдность его затеи, но тут в распахнутом окне появилась долговязая девица лет двадцати с вихрами зелёных волос на луковой голове. Одета незваная гостья была на восточный манер: короткая юбка поверх длинных шаровар и бежевая блуза-безрукавка:

— Бонджорно, мальчики!

— Ты кто?

Девица ловко проскользнула в окно и отвесила шутовской поклон:

— Ах, простите мои манеры, мастер! Меня зовут Чиполёля.

Вид у неё был донельзя довольный. С таким видом фанатки разглядывают кумиров, и Тыква, неожиданно для себя, смутился. Он помнил разные взгляды женщин: оценивающие, снисходительные, равнодушные, холодно-презрительные и даже обманчиво-страстные (в притоне мадам Свёклы), но впервые женщина смотрела на него с искренним восхищением. Может поэтому он спросил первое, что пришло в голову:

— Хочешь прославиться?

Гостья стала серьезной, искорки в её глазах погасли, а вместо них отразилась тёмная океанская глубина. Эта девушка хотела много большего, чем слава или деньги.

— Для чего ты живешь, Тыква? — спросила она. — Ты, я, лимончики, которые пытались снести дом — для чего мы все живём? Наша жизнь худа и бессмысленна, Тыква. А знаешь почему? Потому, что мы не знаем ответа на главный вопрос: для чего мы были созданы.

Пару секунд гостья смотрела ещё смотрела серьёзно, а затем в её взгляде вновь заплясали весёлые искорки:

— Салон татушек открыть хочу и свозить Чиполлино в Боболенд! А ещё купить дирижабль и устроить на нём свою свадьбу, но сначала выкупить отца с братьями из “мандаринки” и разыскать маму.

— Есть жених?

— Ага, но он об этом пока не знает.

Тыква хохотнул и смешал гостье тонизирующий напиток. “А вдруг мальчишка действительно может сломать дверь в дом Создателя? — пронеслось сладким ветром в его голове. — Сломал же он локомотив”. Но вслух бывший боец спросил о другом:

— Я-то вам зачем?

Гостья бросила выразительный взгляд на худенького брата, а потом провела глазами по рельефной фигуре Тыквы.

— Там охрана...

Чиполлино, не удержавшись, фыркнул:

— Охрана! Ишак ей нужен. Чем больше притащим, тем богаче станем.

В порту ишаками называли грузчиков, поэтому Тыква даже не подумал обижаться:

— Ишак, умеющий лягаться? Что ж, я такой...

Замок графинь Вишен ничем не походил на дворянские имения с готическими башенками, парадными лестницами и античными колоннами. Над беспорядочной грудой из стекла и металла торчали две причальных мачты, напоминая усы гигантского насекомого. Сегодня они пустовали, зато вовсю шныряли паровые дроны доставки у почтовых ангаров: графини Вишни контролировали значительную часть почтового бизнеса к северу от Адриатики. Над маленькими трубами дронов поднимались белые дымки и тут же разлетались в разные стороны, смешиваясь друг с другом на фоне догорающего заката. Большинство посылок при этом были “пустышками”, они ничего не содержали, а перевозились исключительно ради того, чтобы экономика продолжала расти. Принц Лимон обязал граждан отправлять посылки три раза в неделю, для чего завёл целый штат соглядатаев и учётчиков. Одной лопатой он выкопал два турнепса разом (или, как говорили во времена Создателя, “одним выстрелом убил двух зайцев”): повысил деловую активность и создал рабочие места. В списке самых развитых экономик Лимония махом переместилась с тридцать второго места на восемнадцатое. Больше всего этому радовались графини: продавать пересылку воздуха, конечно, накладнее, чем сам воздух (приходится тратить на упаковку), но тоже занятие весьма доходное и респектабельное.

— Охрана выходит.

Чиполёля протянула бинокль Тыкве, и стоявший между ними Чиполлино машинально передал тому прибор. Один из окуляров незамедлительно треснул и осыпался под ноги мелкими осколками.

— Олух! — прошипела сестра. — Какого барбафорте ты его в руки-ломаки взял?

— Я нечаянно...

— За нечаянно бьют отчаянно!

И она действительно отвесила брату подзатыльник — из тех, которые их папа, великий мастер шлепков и подзатыльников, называл “воспитательными”. Мысль о том, что детей бить нельзя, среди бедняков и сквоттеров популярностью не пользовалась.

— Всё нормально, один глаз цел, — имея ввиду бинокль, сообщил Тыква. — Охрана вышла: раз, два, три, четыре, пять... двенадцать человек.

Уцелевший окуляр показывал ему людей-картошек не первой молодости, давно позабывших, что такое спортзал и чем там занимаются. Едва выйдя на дежурство, горе-охранники разбрелись по аллеям, уселись на скамейки и вытащили из карманов карандаши и кроссворды.

Спустя полчаса Чиполёля вынырнула из придорожных кустов и отрывисто постучала костяшками пальцев в металлические ворота. Ворота дёрнулись, и в образовавшуюся щель тут же просунулся оранжево-морковный нос пса Мастино:

— Принесла?

Из тряпичной сумки, перекинутой через плечо, Чиполёля достала бутылку и протянула сторожу:

— Настоящая калимагнезия!

Нет худшего пьянчужки, чем собака: человек тихо и мирно напьётся, а псина обязательно налижется — с лаем, дракой и скандалом. Мастино (несмотря на собачьи гены) представлял собой обратный пример, он был пьяницей тихим, мирным и никому не мешающим. Пёс жадно выхватил бутылку из рук девушки, и скрежет открываемых ворот мгновенно был разбавлен бульканьем разведенной калимагнезии.

Чёрный вход предназначался для приема товаров: паромобили проезжали мимо будки Мастино и останавливались у погрузочно-разгрузочной площадки, от которой вдоль забора тянулся длинный ленточный транспортёр. Возле площадки в беспорядке валялись плетёные корзины разных размеров — их использовали как тару для транспортировки.

— Руки! — потребовала Чиполёля у брата, запуская движение ленты. Тот послушно протянул заскорузлые мальчишеские руки, моментально обезвреженные натягиванием грубых верхонок. — Не

вздумай снимать, только сломанного транспортёра нам не хватало! Тыква, ему вон ту корзину ставь, а нам большую, на двоих.

Лента конвейера была отгорожена от аллеи густым кустарником, чтобы не мозолить глаза гуляющим графиням, но, работая, скрежетала на весь парк. Какой бы беспечной ни была охрана, заглянуть на этот скрежет и поднять тревогу, могла и она. Сидеть в корзине оказалось неудобно: лица Тыквы и Чиполёли почти соприкасались. Девушка даже пару раз как бы случайно ткнулась губами в соседскую щёку, негромко хихикнув.

— От тебя пахнет приятно, — неожиданно прошептала она. — Не потом, а семечками.

— Да ты заигрываешь!

— Ага. Ты разве против?

Тыква приподнял пальцем подбородок спутницы и заглянул ей в глаза. Керосиновые фонари на аллеях парка давали достаточно света, и этого света хватало разглядеть всё, всё, всё...

Безумная расточительность графинь без труда сочеталась с их патологической жадностью: тратили они на себя, а экономили на других. В сортировочной, куда от ворот прибывали грузы, жили их обедневшие родственники — пожилая пара разорившихся фермеров, Черешня и Черешенька. Работали родственники за крышу над головой и остатки еды со стола Вишен. Мебель снимали в аренду: графини распорядились поставить в сортировочной старую кровать, две тумбочки и платяной шкаф. В итоге сколько бы ни работали Черешня и его жена, их долг каждый месяц только увеличивался и увеличивался. Денег-то они не получали, а, значит, и вносить арендную плату не могли. Графиням доставляло истинное удовольствие укорять родню бедственным положением и всякий раз при этом тяжело вздыхать о растущем долге.

Когда дверь в сортировочную распахнулась, и в помещение ввалился верзила с головой-тыквой и тюремными наколками на плече, Черешня сидел за конторским столом и заполнял складскую книгу. Сердечко тщедушного служащего глухо ухнуло, он поднялся из-за стола и с надеждой в голосе спросил:

— Господа, вы грабители?

Больше всего на свете Черешня желал, чтобы скупых графинь ограбили, а замок спалили. Верзила вопрос проигнорировал и

потребовал, чтобы служащий показал дорогу к дому Создателя. Радостно суется, разорившийся фермер подхватил одной рукой керосиновую лампу а другой замахал, предлагая следовать за ним:

— Сюда, сюда, господа.

Тёмный коридор, прорезавший цоколь, привёл их в огромную залу, поднимавшуюся до самой крыши через все три этажа. Посреди залы стоял дом из материала, похожего на затемнённое стекло. С одной стороны он был сильно оплавлен: по легенде в исчезнувшей половине располагалась лаборатория Создателя; та самая, в которой он когда-то вывел “человека овощного”. Под стенами загадочного дома ходила тучная женщина со шваброй и ведром — мыла полы. Увидев незнакомцев, она испуганно ойкнула.

— Не пугайся, Желточек, — нежно проворковал Черешня. — Эти господа — воры! Они пришли обчистить наших графинь.

Черешенька всплеснула руками и чуть не опрокинула ведро с водой.

— Спаси вас Создатель! — воскликнула она. — Наконец-то!

Однако воры повели себя не так, как ожидал от них бывший фермер. Вместо того, чтобы полюбоваться диковиной и подняться наверх в покои графинь, они явно вознамерились вломиться в дом Создателя. Долговязая девица сноровисто сняла рукавицы с худенького подростка и скомандовала:

— Работай.

Черешня заволновался.

— Господа, — предупредил он, — сюда невозможно войти!

Но ему опять никто не ответил. Мальчишка несколько раз сжал и разжал кулаки, разминая пальцы, а затем принялся ощупывать незнакомый материал. Движения Чиполлино напоминали движения уличного мима, только вместо воздуха и пустоты ладони мальчишки касались тёмной матовой плоскости. Минуту или две ничего не происходило — стояла полная тишина, а затем раздался щелчок, заставив всех вздрогнуть, и дверь слегка покачнулась. Между ней и стеной образовалась щель, в которую могучий Тыква тут же засунул руку и потащил на себя — дверь ворчливо заскрежетала и нехотя отъехала в сторону.

— Как так-то? — не удержался Черешня. — Её даже взорвать не смогли!

На этот раз ему ответили.

— Иди, посвети, — приказал верзила.

Через мгновение живой огонёк лампы разогнал тьму, и перед глазами незваных гостей предстала просторная комната, полная странных вещей. О назначении одних они могли только догадываться, другие же и вовсе не вызывали никаких ассоциаций. Под потолком висела массивная коробка с продольными лопастями.

— Для чего это? — задрав голову, спросила девушка.

— Может, мух ловить? — предположил Чиполлино. — Мухи слетаются на приманку, лопасти захлопываются и коробку заполняет ядовитый газ.

— Чушь, — бросил Тыква, но другой версии не предложил. Он взял со стола книгу большого формата, распахнул её и обнаружил с одной стороны клавиши, а с другой экран наподобие того, что висел в зале синематографа. “Пишущая машинка”, — пробормотал Тыква, но тут же усомнился: вставлять бумагу оказалось некуда. Гигант повертел находку в руках, отметил, что отверстия в корпусе всё-таки есть, только маленькие, и решил, что никакая это не пишущая машинка, а продвинутый телеграфный аппарат, и в отверстия каким-то образом вставляется телеграфная лента.

— А это что за хрень? — раздался голос мальчишки.

Огонь лампы, метавшийся по комнате в дрожащих руках Черешни, выхватил из темноты бак с двумя кранами, поверх которого была установлена перевернутая бутылка из прозрачного материала.

— Умывальник, — сообразила девушка. — С водогрейкой внизу. Из синего крана холодная вода течёт, из красного — горячая. Слышь, мужик, — обратилась она к проводнику: — Можешь умывальник себе забрать, мы такую дуру всё одно не утащим. Продашь — разбогатеешь.

Черешня уже и сам понял, что оказался в пещере древних сокровищ, с которыми драгоценности Вишен и рядом не лежали. Причем сокровищ бесхозных, дом Создателя Вишням не принадлежал, они просто укрыли его от любопытных глаз.

— Поторопимся, — скомандовал Тыква.

Гигант был прав: летняя ночь коротка, а рабочий день на почтовых верфях начинался с первыми лучами солнца. До этих первых лучей хорошо было не только убраться за ворота, но и не попасться

никому на глаза в поселке, надежно схоронив добычу. И всё же они провозились довольно долго, разбирая бумаги, споря о назначении непонятных вещей и заменяя в своих мешках одни находки на другие. Уходя, Тыква резко задвинул дверь, и та вошла точно в паз: со стороны и не скажешь, что кто-то её открывал.

Минут через двадцать, волоча за собой мешки, троица вышла из сортировочной на освещенную луной и фонарями улицу. На фонарях графини не экономили и сжигали ежемесячно чуть ли не бочку керосина, справедливо полагая, что освещение существует для их собственных нужд. Тыква уже водрузил добычу на транспортёр, когда из-за угла вывалилась престарелая охранница. Кожа её картофельного лица давно потеряла гладкость и сморщилась, пазушные почки на лице потемнели, а рубцы под ними растянулись и одрябли. Только белые волосы, собранные в пучок на затылке, всё ещё оставались толстыми и длинными. Заметив незнакомцев, охранница рванула с груди свисток, болтавшийся на шнурке, и огласила окрестности тревожной трелью. Свисток у неё оказался что надо — мощный, басовитый.

— Принесла нелёгкая, — буркнул Тыква, наблюдая как старушка рванула с места со всей скоростью, на которую была способна. Секунд десять он даже думал, что охранница их догонит, но тут Картошке резко вступило в спину. Но и согнутая в три погибели словно ржавая скоба, старушка по-прежнему ковыляла за ворами и дула в свисток. На помощь ей никто не спешил — а, если и спешил, то столь же медленно, или никак не мог сообразить, откуда слышен свист, или вообще свиста не слышал по причине тяжёлой степени глухоты. Внезапно свисток умолк и Картошка отбросила его в сторону, словно бесполезное ружьё.

— Кажется, у неё воздух в лёгких закончился. Почему в охранники не берут крепких парней вроде тебя, Тыква?

Чиполёле отчего-то стало жаль охранницу.

— Крепкие парни дорого стоят, милая. А графини скорее удавятся, чем будут хорошо платить.

— Стойте, окайнные! — отставая всё дальше, хрипела старушка. — Стойте...кхе...кхе...

— Мамаша, вы бы поберегли здоровье! — крикнул ей Тыква. — Ну зачем вам эта погоня? Охх...

Под ноги Картошке подвернулся камень, она неуклюже взмахнула руками и рухнула на землю. Тут даже Чиполлино не выдержал: спрыгнул с транспортера подбежал и помог охраннице подняться. Женщина тут же попыталась ухватить мальчишку за рукав, но он легко вывернулся из старых скрюченных пальцев.

— Мастино! — из последних сил закричала старушка. — Мастино, пёс шелудивый, уходят! Ворота закрывай!

Увы, пёс шелудивый был пьян и, лёжа у будки, лишь бессмысленно мотал головой.

— Мастино, мухоблуд бесстыжий, закрывай ворота! Останови мерзавцев... кхе...кхе....кхе...

Приступ кашля заставил старушку затрястись, подобно студню, но не задержал ни на секунду. Остановили упорную Картошку только тяжёлые металлические ворота, с силой захлопнутые за собой Тыквой. Откатить их в сторону и протиснуться на улицу у неё не хватило сил.

Год спустя в один из домов Верхней части города — самой престижной и безопасной — вошёл молодой человек в очках за двести тысяч лир и модном костюме ценой в парочку локобилей. Никто не узнал бы в этом франте прежнего босняка Чиполлино, но это был он собственной персоной.

— Как дела? — спросил гость.

Сестра ответила хмурым взглядом.

— Полгода писанину Создателя переводила! Старые языки учила, по ночам корпела — и вот, дочитала, наконец.

— И про что там?

— Про что? — ядовито переспросила сестра. — Про баб да про пьянки! Знаешь, как Homo vegetabilia появились? Казна платила учёным за исследования, это называлось “грант”. Для заявки нужно было обоснование написать, вот они и сочинили теорию о целительных генах овощей, закусывая водку солёными огурцами.

Чиполлино захохотал.

— Ну чего ты ржёшь?! Они ведь были как боги — идеальные тела, почти сто лет жизни. А их техника? Мы о такой даже мечтать не можем! Эти люди умели разговаривать друг с другом, находясь на разных концах планеты, они летали в космос... А потом один безумец смешал человеческие гены с генами овощей и не смог этого остановить.

— Боги стали овощами?

Сестра печально кивнула. Она так стремилась найти ответ, узнать для чего были созданы люди-овощи. Открыть самую важную тайну и обрести смысл жизни. А оказалось, что никакого смысла Создатель в их жизнь не закладывал. Змий в очередной раз покуражился над божьей тварью, только теперь он вылез не из райского сада, а из бутылки.

Чиполлино высокие материи не волновали.

— Будь проще, — посоветовал он, размешивая щепотку ароматной бамбуковой золы в стакане с талой водой. — Слышала о старухе Картошке?

— Что с ней?

— Обживается в бывшем домике Тыквы. Весь борщевик в округе извела! Жандармам заявила, что вертела их бранию на барбафорт: мол, дом ей от графинь Вишен достался в награду за честную службу и никакой жребий ей не указ. Красиво у Тыквы вышло: подарить охраннице дом “от графинь” да ещё и дарственную бумагу подделать. Лимоны как эту дарственную увидели, так сразу чёрными пятнами пошли.

Сестра улыбнулась:

— Действительно красиво.

Ей вдруг пришло в голову, что смысл жизни всё-таки существует. И состоит он в обретении награды за свои поступки — и хорошие, и плохие. Только награждают человека не боги, а другие люди.

Глупая мысль, но лучше, чем никакой.

В следующее мгновение она уже думала о свадебном дирижабле.